

ми свои разработки в тиши кабинетов, и практиками, не без корысти внедряющими их в бурную и изменчивую жизнь. Здесь может наступить разумное перемирие между ВУЗами, готовящими одновременно, но разных по своему уровню вновь испеченных специалистов, и работодателями, которые нетерпеливо ждут свой заветный штат для будущих великих свершений.

Общество, которое должно быть заботливо, аккуратно и осознанно создано, сможет примирить часто весьма далекие друг от друга, но важные фигуры, будь это: коммерческие интересы и охрана природы, всенепременное стремление контролировать “все и всех” властей или принципы свободного бизнеса. И именно эта организационная форма, в отличие от кастовости и замкнутости “клубов по интересам”, деловой напористости коммерчес-

ких объединений и ассоциаций, малоэффективных акций общественных форумов и научной зауженной кулуарности, будет способна помочь совершить нужный прорыв (рывок, перелом — нужно подставить) в кардинальной эффективности природоохранной борьбы, сменить нежелательный “шифт” в сознании местных жителей для того, чтобы вновь они смогли осознать все богатство и красоту их родных мест, чтобы встречать с открытой душой гостей, а не стремиться вытряхнуть из них лишний пфенниг.

Тогда и может быть постепенно преодолена “пропасть” между красивым, но малополезным желанием восторженных любителей охранять здешнюю природу за тридевять земель и хитровой смекалкой местных мужичков с наивным, но опасным лейтмотивом “на нашу долю всего хватит”.

Новые мифы о главном: первобытный человек и природа

В.Н. Грищенко

Каневский природный заповедник

Украина, 19000, Черкасская обл., г. Канев

e-mail: vitaly@aquila.freenet.kiev.ua; vgrishchenko@mail.ru

Столкновение человека с законами биологического равновесия, существующего в природе, началось с момента появления его на Земле.

Ж. Дорст.

И теперь, когда спасение природы от разрушительных антропогенных воздействий стало главной проблемой науки, необходимо уяснить, какие стороны деятельности человека были губительны для ландшафтов, вмещающих этносы. Ведь разрушение природы с губительными последствиями для людей — беда не только нашего времени, и оно не всегда сопряжено с развитием культуры, а также с ростом населения.

Л.Н. Гумилев.

В природоохранных публикациях часто можно найти расхожий тезис, что

первобытный охотник жил в гармонии с природой, и вообще в древности она

практически не страдала от человека. Попробуем проанализировать это утверждение.

Маори и гибель моа

К сожалению, ни описанная Д. Паттерсоном (2001) философия единства с природой, ни “маори”, ни что-либо другое не помешали маори полностью истребить гигантских нелетающих птиц моа, которые населяли Новую Зеландию. По разным данным их было от 11 до 29 видов. Ко времени появления на островах первых европейцев уже практически ничего не осталось. Большинство видов вымерли между X и XVII вв. Лишь лесной моа протянул несколько дольше (Йовчев, 1982; Sedlag, 1983; Винокуров, 1992; Luther, 1995).

Как показали раскопки стоянки маори XIV в. в устье р. Шаг на о-ве Южном, на протяжении нескольких десятилетий люди перебили всех крупнейших моа, а вместе с ними и легкодоступных тюленей и пингвинов. Позже пришлось охотиться уже на более мелкие виды моа, воробьиных птиц, поедающих собак, рыбу, моллюсков. Потом маори просто покинули устье р. Шаг, поскольку пищи для них уже не осталось. Новозеландские ученые подсчитали, что для полного истребления моа даже при благоприятных для птиц обстоятельствах понадобилось бы не более 160 лет после появления на островах первых людей. Это был настоящий “блицкриг” человека против древней мегафауны (Гибель моа..., 2001).

Нелетающему пастушку такахе повезло больше. Ископаемые остатки говорят, что до появления в Новой Зеландии человека эта птица была широко распространена на обоих островах, а затем ее ареал стал неуклонно сужаться. Ко времени колонизации островов европейцами остались лишь отдельные очаги. К счастью, вид не исчез окончательно (Фишер и др., 1976).

Всего после заселения Новой Зеландии полинезийцами исчезло по меньшей мере 43 вида птиц, лишь 9 из них — после 1600 г. (Фишер и др., 1976). Та же участь постигла “живое ископаемое” — гаттерию, которая была истреблена на основных островах и сохранилась только на маленьких прибрежных островках (Фишер и др., 1976; Даревский, Орлов, 1988). “Помогли” делу проникшие в Новую Зеландию вместе с маори крысы и собаки (Sedlag, 1983).

Так что Д. Паттерсон несколько преувеличивает, утверждая, что “у маори нет конфликта между природой и человеком”, “не может быть и речи о борьбе между человеком и природой” и т. д. Сейчас уже может и нет...

Точно так же первобытными охотниками были истреблены эпиорнисы на Мадагаскаре и бескрылые гагарки на значительной части их ареала. В прошлом гагарка была довольно широко распространена на побережьях Северной Атлантики, в Европе — вплоть до Пиренейского п-ва и о. Мадейра. В голоцене она еще гнездилась на севере Испании (Мак-Кланг, 1974; Luther, 1995; Mourer-Chauviré, 1999). Ее кости часто находят в “кухонных остатках” первобытных охотников Америки и Европы (Дорст, 1968; Моуэт, 1988). Сокращение ареала бескрылой гагарки в древности нельзя объяснить изменениями климата. Скорее всего, это связано с деятельностью человека. Вполне вероятно, что древние охотники изменили распространение и других морских птиц (Mourer-Chauviré, 1999). Как пишет Л.Н. Гумилев (1994), эскимосы уничтожили стеллерову корову в Беринговом море. Ко времени своего научного открытия она сохранилась лишь на удаленных Командорских островах. Можно вспомнить также мамонтов и многих других животных.

По мере углубления наших знаний о прошлых фаунах оказывается, что

некоторые виды, известные по ископаемым остаткам и считавшиеся давно вымершими, окончательно исчезли уже в историческое время и скорее всего также были “добыты” человеком. К таким относится, например, нелетающая утка, судя по находкам в “кухонных остатках” аборигенов, еще 2,5-3 тыс. лет назад обитавшая на Калифорнийском побережье (Винокуров, 1992). Вполне вероятно, что именно первобытные охотники повинны также в истреблении карликового бегемота на Кипре, гавайских нелетающих гусей, фиджийского сухопутного крокодила. Исчезли они вскоре после появления на этих островах человека (Гибель моа..., 2001).

Известный лишь по ископаемым остаткам гигантский олень был на самом деле окончательно истреблен уже в историческое время. “Следы” его ученые находят, например, в фольклоре. Так, предполагается, что среди упоминаемых в “Песни о Нибелунгах” животных, добытых Зигфридом, был и один гигантский олень (Йовчев, 1982).

Окончательно истребленный уже сравнительно недавно тур, в прошлом был широко распространен в Европе, Северной Африке, Азии. Но в Египте он исчез еще во времена древнего царства (до 2400 г. до н.э.), в Месопотамии — во времена Вавилонского царства (к 600 г. до н.э.) (Соколов, 1979; 1986).

Одними из первых китобоев были баски, добывавшие китов в Бискайском заливе. В XII в. этот промысел уже имел большое значение. Когда из-за чрезмерного истребления бискайский кит стал редкостью, баски устремились дальше на запад, к берегам Ньюфаундленда, добравшись до Америки, вероятно, раньше Колумба (Дорст, 1968).

В наши дни многие виды райских птиц на Новой Гвинее подвергаются серьезному прессу охоты со стороны туземцев (которых, кстати, цивилизация мало затронула по сей день). Перья используются для украшения го-

ловных уборов. По свидетельству Б. Гржимека (1971), общая стоимость перьев, демонстрировавшихся на праздниках песни и танца племен Новой Гвинее, составляла не менее миллиона марок. В итоге целый ряд райских птиц попал в категорию редких видов (Винокуров, 1992).

Украшения из перьев подчеркивают знатность, богатство и влияние в обществе мужчины, делают его привлекательным в глазах девушек (Гржимек, 1971), поэтому крайне важны для туземцев. По степени иррациональности и “антиэкологичности” это напоминает ситуацию со скотом у масаев и некоторых других народов Восточной Африки: размер стада определяет богатство и влияние владельца, поэтому тот всеми силами старается его увеличить, невзирая на истощение пастбищ и другие последствия. Например, племена динко и нуэр на юге Судана разводят огромное количество скота, но питаются в основном молоком, злаками и охотой на диких животных. Домашних животных убивают исключительно при выполнении обрядов (Вагнер, Шнейдерова, 1987). В подобных ситуациях сохранение древних племенных обычаев при росте населения благодаря развитию медицины и другим “благам цивилизации” может обернуться катастрофой для природы.

Не менее иррациональна и антиэкологична еще одна традиция, которая часто вызывает умиление у экофилософов и природоохранников. Речь идет, как вы могли догадаться, о священных коровах в Индии. Хорошо от этого только самим коровам. У людей появляются многочисленные неудобства, но они их терпят, исходя из “высших соображений”. А вот у диких животных и растений возникает немало проблем, поскольку священные коровы ходят, где им хочется, и едят, что им хочется. Как я уже писал, не обязательно убивать животное напрямую, достаточно просто лишить его пищи и

пристанища (Грищенко, 2000). Одно из тяжелых последствий возникновения скотоводства для диких животных — конкуренция их за пастбища и водопой с домашними, которая жестко подавлялась человеком. В итоге, дикие предки или истреблены полностью, или находятся на грани исчезновения (Дорст, 1968). Если же домашние животные еще и возводятся в ранг священных, ситуация вообще не поддается никакому контролю.

Убийца извиняется

Осознание себя частью природы, преклонение перед ней, охрана отдельных видов и т. п. еще не означает реальной гармонии с экосистемой. Результат-то достигается действиями, а не намерениями. Философия философией, но кушать человеку хотелось всегда, а крупная легкая добыча была слишком большим соблазном. К тому же, просить разрешения на убийство и совершать определенный “извинительный” ритуал отнюдь не означает не убивать. Убитому и съеденному медведю ведь все равно, извинились перед ним, или нет. Это было важно для самих людей, чтобы дух убитого животного не пришел мстить.

“Для дикаря, который ставит практически все живые существа на равную ногу с человеком, — писал Дж. Фрэзер (1980), — акт умерщвления и съедения животного по необходимости резко отличается от того, как представляем его себе мы, считая умственные способности животных значительно уступающими нашим собственным и отказывая им в обладании бессмертной душой. В силу этого, убив животное, первобытный охотник полагает, что он может стать жертвой мести со стороны бесплотного духа или со стороны других животных того же вида, которых он считает связанными, подобно людям, узами родства и обязательствами кровной

мести и поэтому непримиримо относящимися к любому ущербу, причиненному кому-нибудь из их сородичей. <...> Но первобытный человек, естественно, не может позволить себе щадить всех животных. Некоторых из них он, если не хочет умереть от голода, должен употреблять в пищу. А когда предстоит выбирать между жизнью животного и его собственной, дикарь волей-неволей преодолевает свои суеверные сомнения и лишает животное жизни. При этом он делает все от него зависящее, чтобы “успокоить” самих жертв и их родичей”.

Путем всевозможных магических действий по умилостивлению диких животных и их духов первобытный охотник защищал себя, а вовсе не природе (справедливости ради, не будем забывать, что ему было просто не до этого — выжить бы, да и природа тогда была неизмеримо сильнее человека, нам ведь не придет в голову заботиться о защите космоса, который может испепелить всю планету в одночасье). Природа, правда, благодаря этому иногда тоже могла вздохнуть с облегчением, но это было, так сказать, побочным продуктом, а не целью. Чаще всего более вольготно жилось животным, которых по тем или иным причинам боялись.

Нередко доходило до курьезов. Вот несколько примеров из книги Дж. Фрэзера (1980) “Золотая ветвь”. Жители Суматры очень боялись ранить или даже поймать тигра, чтобы не стать жертвой мести его сородичей. Когда европейцы стали расставлять ловушки на тигров, обитатели окрестных деревень приходили в эти места и разъясняли животным, что ловушки поставлены не ими и не с их согласия (но не снимали их!).

Индейцы племени чироки не осмеливались убивать волков, если этого можно было избежать, опасаясь мести. По их представлениям, даже оружие, которым был убит зверь, могло потерять силу, если его не очистит и

не заговорит знахарь. Однако считалось, что лица, которым известны надлежащие искупительные обряды, могут убивать волков безнаказанно. Таких людей иногда даже намимали чироки, чьи стада страдали от волков.

Нередко духов убитых животных просто всячески обманывали. Кафры, убив слона, приносили ему свои извинения, делая вид, что произошло это по чистой случайности. Индейцы ленгуа в Гран-Чако, убив страуса нанду, пытались перехитрить дух следующим образом: вырывались перья с груди птицы, которые разбрасывались по следу. По убеждениям ленгуа, дух надолго останавливается в раздумье возле каждого пучка перьев, соображая: все это тело или только часть его. Охотники тем временем успевают уйти подальше.

Важно было и не обидеть духов добываемых животных или духа-хозяина, который и посылал добычу охотникам. Именно поэтому они старались быть “вежливыми” и “корректными”. Будили спящего зверя, перед выстрелом упрасивали животное не сердиться, приглашали в гости и т. п. Запрещалось неуважительное отношение к останкам животных. Удмуртский охотник, прицеливаясь в белку, всячески расхваливал ее, пел хвалебные песни. Кеты, подняв медведя из берлоги, говорили ему: “Ты не сердись, дедушка! Пойдем к нам в гости!” После чего убивали (Соколова, 1998). Считалось, что несоблюдение подобных ритуалов приведет к неудачам на охоте.

Этнографами описано также немало примеров того, как охотники старались вину за убийство животного свалить на кого-либо другого, например, на белых колонизаторов. Им, дескать, от духов за это все равно ничего не будет. Коряки, убив волка или медведя, снимали с него шкуру, надевали ее на охотника и плясали вокруг него, приговаривая, что это не они убили зверя, а кто-то другой. Обские угры на медвежьем празднике говорили: “Не я тебя убил

— русское ружье тебя убило” (Соколова, 1998).

У самых разных народов существовали разнообразные искупительные и очистительные обряды и после совершения убийства человека. Убийца мог даже до конца своих дней считаться нечистым (Тайлор, 1989; Фрэзер, 1989). Увы, менее кровавой история человечества от этого не стала.

Не убивать животных лишней раз древний охотник стремился также не столько из-за большой любви к ним, сколько исходя из элементарного здравого смысла — если уж “нарываться на неприятности” (по описанным выше причинам), то хоть по делу.

Вообще отношение человека к животным было очень различным — от охоты или пренебрежения до почитания и обожествления (подробнее об этом см., например, Соколова, 1972, 1998; Борейко, 1998; Борейко, Грищенко, 1999). Однако даже священным и тотемическим животным отнюдь не всегда было гарантировано пожизненное безоблачное существование, поскольку у самых разных народов были своеобразные ритуалы убийства их, причащения “божественным телом”, отправления с посланием к богам и т. п. (Штернберг, 1936; Соколова, 1972, 1998; Фрэзер, 1980). К тому же, отношение к одному и тому же виду у разных народов и в разное время могло сменяться на диаметрально противоположное. Классический пример — уничтожение греками священных птиц турков: белых аистов (Грищенко, 1996; Борейко, Грищенко, 1999) и кольчатых горлиц (Грищенко, 19996).

Интересен пример с эпиорнисом. Первые контакты его с человеком произошли очень давно и закончились вполне благополучно. Легенды о птице рух, которая поднимала в воздух слонов, возникли не на пустом месте. В жизни, правда, “птица рух” была нелетающей и слонами не питалась. В 1968 г. французские археологи нашли на

Мадагаскаре остатки эпиорниса, на длинной кости ноги которого было бронзовое кольцо с оттиском печати загадочной цивилизации долины Инда. Кольцу 5 тыс. лет (Каприелов, 1980). Возможно, тогда птица имела какое-то сакральное значение или на нее охотились, но весьма умеренно. Для заселившихся же впоследствии остров племен эпиорнис был просто горой мяса. Вес взрослой птицы мог достигать 450 кг, объем яйца — 10-11 л, толщина скорлупы — 3 мм. Остатки яиц туземцы еще долго использовали как посуду и после гибели последнего гиганта (Йовчев, 1982; Sedlag, 1983).

Мировоззрение первобытных племен тоже далеко не всегда способствовало гармонии в отношениях с природой. Они хоть и ощущали себя частью единого целого, но имели весьма смутное представление не только о сложных экологических связях, но даже о таких явлениях, как смерть и рождение.

Как указывает З.П. Соколова (1972, 1998), у первобытных племен не было представлений о физиологических причинах рождения. Они считали, что в женщину вселяется существо из внешнего мира. Отсюда многочисленные мифологические сюжеты о рождении детей от животных и стихий природы, о перелетных птицах, приносящих весной зародыши новой жизни (см., например, Грищенко, 1999а) и т. п. В древнекитайском языке понятие “удар грома” (чжэнь) этимологически связано с понятием “забеременеть”. Иероглиф чжэнь означал и старшего сына в семье (Мифы народов мира, 1980-1982).

По распространенным среди охотничьих племен верованиям, животное воскресало после смерти, и на него можно было охотиться снова. Это особенность так называемого промыслового культа. Нужно только совершить правильные действия, чтобы это воскрешение произошло, и чтобы духи жи-

вотных не обиделись на охотников. Для этого часто сохраняли определенные части тела животных, затем хоронили их или “выпускали”. По поверьям кетов, медведь “возрождался” и начинал новую жизнь с того времени, когда завернутые в бересту кости (на ней рисовали его душу-тень) высыхали и падали на землю с пня или дерева. В одной из русских сказок рассказывается, как девушка закапывает кости коровы в саду и поливает их водой. Это следы древнего забытого ритуала (Соколова, 1998). По данным Л.Я. Штернберга (1936), орочи считали, что животные никак не страдают от охоты: *“не успел еще ороч снять шкуру с соболя, как тот уже снова, живой и проворный, бежит к своему хозяину”*. У коряков и других сибирских народов были особые праздники для примирения охотников с духами убитых животных, целью их было воскресение животных и возвращение “в гости” к охотникам. Считается, что они возникли как развитие особых обрядов умножения тотемических животных (Соколова, 1998). Миф об умирающем и воскресающем звере является древнейшим охотничьим мифом, возник он раньше земледельческого мифа об умирающем и воскресающем боге (Богораз-Тан, 1926).

Спрашивается: к чему охранять животных или хотя бы рационально охотиться на них, если они все равно воскресают? Не в подобных ли воззрениях наших предков кроются истоки потребительского отношения к природе?

Проблемы повышения численности нужных видов люди в древности решали, исходя из своих знаний и умений. Так, были широко распространены обряды интичиума — умножения тотема путем особых магических действий (Семенов, 1966; Соколова, 1972, 1998). К сожалению, животных и растений, служивших тотемами, от этого в природе больше не становилось.

Гармония и дисгармония

Гармония — это прежде всего процветание вида (или этноса) при отсутствии широкомасштабных необратимых изменений в природе, деградации и обеднения экосистем. А о какой гармонии вида со средой обитания вообще может идти речь при непрерывном росте его численности? Этот рост рано или поздно нарушит установившийся баланс. А переход от собирательства к охоте в палеолите его еще и значительно усилил. Другое дело, что ни по масштабам, ни по темпам вызванные древним человеком изменения природы были несоизмеримы с тем, что происходит сейчас. Лишь в этом смысле мы можем считать, что тогда все обстояло более или менее благополучно. Да и то, что первобытные люди гораздо меньше воздействовали на природу, объясняется прежде всего их меньшими возможностями и потребностями, а не какой-то особой философией или духовностью.

Человек в ходе своей эволюции и истории вел себя точно так же, как и любой другой биологический вид — стремился захватить как можно больше жизненного пространства, питался, размножался. Для этого нужно было потреблять природные ресурсы. Их требовалось все больше по мере роста населения. Кроме того, природа отнюдь не баловала людей (голод, стихии и т. д.) — приходилось бороться за выживание. Бороться нужно было и с соседями. Конкуренция все усиливалась по мере роста численности людей и уменьшения количества легкодоступных ресурсов. Чтобы победить в этой борьбе, надо было потреблять еще больше ресурсов. Человек ведь стал земледельцем и скотоводом не только от большого ума, но и по велению жизни. Ко времени мезолита население значительно выросло, многие крупные животные исчезли полностью, численность других резко снизилась, и охота уже не могла прокормить людей. Ученые выделяют

несколько экологических кризисов в ходе развития человечества. И первый из них, вызванный самим человеком, был как раз палеолитический (или плейстоценовый) перепромысел (Реймерс, 1990).

За прошедшие тысячелетия одни этносы разрушали природу больше, другие — меньше. Но на каждом пяточке земного шара результат был примерно один и тот же — рано или поздно дикая природа отступала. И если добивались этого не местные жители, то делали за них другие. Мало ведь иметь “правильное” мировоззрение, нужно еще и выстоять в борьбе с жизненными невзгодами и конкурентами. А побеждали, увы, всегда те, кто в большем количестве и более эффективно использовал природные ресурсы. Те же маори, индейцы, африканцы, австралийцы не смогли отстоять свою землю от более сильных пришельцев. Вот и вся философия.

На хоть какую-то гармонию с природой могут претендовать только племена охотников и собирателей. На чистом собирательстве, однако, особо не разжиреешь, и человек стал заниматься охотой еще в незапамятные времена. Но в таком случае в природном сообществе он выступает в качестве хищника, а по законам экологии хищников, занимающих верхний трофический уровень, не может быть очень много, они просто не смогут прокормиться. Когда же человек переходит к производящему хозяйству, воздействие его на природу неизбежно многократно усиливается. Приходится освобождать земли под поля и пастбища, дикие животные становятся уже помехой. К тому же, при этом значительно увеличивается емкость среды для человека, и начинает быстро расти население. После появления земледелия численность людей увеличилась в 20-30 раз, и кривая роста народонаселения взмыла круто вверх (Дольник, 1992). По другим оценкам, после перехода к производя-

щему хозяйству население земного шара выросло в 15 раз (Массон, 1989).

С развитием цивилизации смертельные удары природе начали наносить и те, кто напрямую не был связан с ее эксплуатацией. Так, леса из ливанского кедра на Ближнем Востоке были уничтожены для постройки финикийского флота, дворцов Ахеменидов и храма в Иерусалиме (Дорст, 1968).

По понятным причинам, охотник проигрывает в конкурентной борьбе земледельцу и скотоводу. Нигде в мире чисто охотничьи племена не образовали даже примитивного государства, не говоря уже о могущественной империи. У человека был небогатый выбор: либо осваивать “новые технологии” и усиливать эксплуатацию природы, либо уйти в небытие, в лучшем случае — остаться чьим-то рабом.

Так что есть вполне объективные причины того, что гармония в отношениях человека с природой была всегда и везде весьма относительной и непродолжительной.

Я предвижу пример, который мне могут привести в качестве контраргумента — индейцы прерий и бизоны. Действительно, жившие в прериях племена были столь же тесно связаны с бизоном, как и палеолитические охотники с мамонтом. Однако этот пример не показателен. Дело в том, что культура индейцев прерий — самая молодая в Северной Америке (Stingl, 1963). Индейцы массово появились в прериях уже после прихода европейцев. На то были две причины. Во-первых, появилась лошадь (мустанги — это потомки одичавших лошадей испанских конкистадоров, еще в XVI в. добравшихся до Большого Каньона и Канзаса). Во-вторых, все усиливающийся натиск переселенцев вынуждал многие племена мигрировать в глубь континента. Лошадь значительно повысила эффективность охоты на бизонов, и еще неизвестно, чем бы все закончилось, но явились “бледнолицые братья” и пере-

били как бизонов, так и самих индейцев. Кстати, даже белому человеку с его численностью, алчностью и огнестрельным оружием понадобилась сотня лет, чтобы извести миллионные стада.

Скорее всего в Северной Америке развитие пошло бы по тому же пути, что и на других континентах. Ко времени прихода европейцев многие племена уже занимались земледелием. Возникло даже некоторое подобие государственного образования — Ирокезская лига. Это была конфедерация пяти (затем шести) племен (Stingl, 1963).

Нельзя забывать и еще об одном аспекте, о котором писал, например, Л.Н. Гумилев (1994): относительное равновесие первобытных племен с природой часто объяснялось тем, что они вели непрерывные кровопролитные войны друг с другом, и прироста населения практически не было. Другими словами, они не уничтожали природу потому, что уничтожали друг друга. С точки зрения экологии все очень просто: при конкуренции между хищниками (тем более столь острой) уменьшается их пресс на популяции жертв. Когда популяция хищника испытывает существенное самоограничение, численность популяции жертвы будет вероятнее всего относительно устойчивой (Бигон и др., 1989). Агрессивные отношения между сородичами способствуют более равномерному распределению жизненного пространства и ресурсов (Лоренц, 1994).

В связи с этим, в этом и подобных случаях вместо простой системы “индейцы и бизоны” нужно рассматривать более сложную — “несколько племен индейцев, воюющих друг с другом, и бизоны”. Это будет более достоверно, но вряд ли привлекательно для “почтенной публики”.

Первые жертвы

Есть очень обширная литература о причинах вымирания многих видов животных в конце плейстоцена — начале

голоцена. Ученые давно уже спорят: “кто виноват” — климат или человек. Анализ этого явления с позиций экологии показывает, что невозможно объяснить его масштабы и последствия только изменениями климата.

Как отмечал П. Мартин (Martin, 1967, цит. по: Соколов, 1986), в Северной Америке вымирание ряда млекопитающих происходило без замещения другими видами путем эволюции или иммиграции, чего не случалось ранее нигде и никогда до появления человека. Аргумент, что древние охотники имели невысокую численность и несовершенное оружие, поэтому не могли оказать заметного влияния на фауну, несостоятелен. Строители египетских пирамид ведь тоже не имели современной мощной техники. Не стоит недооценивать возможности наших предков. Тем более, что тогда истребление животных происходило на протяжении длительного времени, а не так стремительно, как сейчас.

П.В. Пучков (1989а, 1989б, 1991, 1992а, 1992б, 1993а, 1993б; Putshkov, 1994) детально проанализировал вымирание животных в плейстоцене и пришел к выводу, что повинен в этом прежде всего человек. Он истребил целый ряд крупных млекопитающих, из-за чего, в свою очередь, изменились среда обитания и условия конкуренции для многих других животных, что вызвало их вымирание и дальнейшее преобразование экосистем. Дело в том, что гигантские растительноядные млекопитающие являются эдификаторами экосистем, оказывая огромное влияние на растительность. Вот такая получилась “гармония”.

Охота на мамонта была длительное время основой жизни населения значительной части Восточной Европы в позднем палеолите. В ход шло все — мясо, шкуры, кости. Из костей и шкур строились и жилища. Причем для постройки одной лишь хижины использовались кости нескольких десятков

особей (Пидопличко, 1976). А размножались мамонты, как и другие крупные млекопитающие, медленно. К тому же, среди добывавшихся гигантов не менее половины составляли животные, еще не достигшие половой зрелости (Татаринов, 1993).

Тесная связь с мамонтом настолько вошла “в плоть и кровь” наших предков, что это до сих пор находит отражение в фольклоре и изобразительном искусстве, о чем мы можем даже не догадываться. Археологи установили, что ромбический орнамент, широко распространенный в народном изобразительном искусстве разных стран и известный еще со времен палеолита, изначально представлял собой рисунок среза кости мамонта. Поскольку мамонт был основным источником пищи, этот орнамент выражал представления о силе и благоденствии (Бибилова, 1965). По мнению Б.А. Рыбакова (1972, 1994), в дальнейшем он стал магическим символом плодородия, почему и дошел до наших дней. В.Я. Пропп (1986) считает, что некоторые сюжеты русских сказок отражают сцены охоты на мамонта.

Вымерли мамонты в Европе раньше, чем окончательно исчезли приледниковые ландшафты (Пучков, 1991), поэтому объяснить их гибель только изменением климата сложновато. Расчеты показывают, что всех мамонтов Восточной Европы палеолитические охотники были способны истребить всего лишь за одно тысячелетие (Пидопличко, 1951; Татаринов, 1993). Важно отметить, что среди вымерших в конце плейстоцена — начале голоцена животных больше всего пострадали крупные формы. На различных материках исчезло 78,8% видов млекопитающих весом более тонны, 66,7% — от 400 кг до 1 т, 53,6% — от 150 кг до 400 кг и только 16,3% видов среди зверей весом 10-50 кг (Пучков, 1991). Гастрономический интерес прослеживается более, чем явно. Раньше, по крайней

мере, крупные и мелкие млекопитающие вымирали в равной пропорции (Savage, Russel, 1983). Почти все мелкие плейстоценовые млекопитающие материковых фаун и ныне представлены теми же или близкими видами. А вот хоботные и носороги в Северной Евразии исчезли бесследно. То же самое касается многих крупных зверей на других континентах (Пучков, 1991).

Природе Америки не повезло дважды. Сначала ее опустошили предки индейцев, затем — европейские переселенцы. В подземных битумных озерах на Ранчо-ла-Бреа возле Лос-Анжелеса были обнаружены остатки множества видов животных, обитавших здесь еще 10 тыс. лет назад. Так вот, с приходом человека исчезли 24 из 54 видов млекопитающих этой фауны и 22 из 113 видов птиц. Среди них тераторны — крупнейшие из когда-либо существовавших хищных птиц. Как показала радиоуглеродная датировка, плейстоценовая фауна Северной Америки исчезла в период с 11 тыс. до 8 тыс. лет назад (Фишер и др., 1976). Предполагается, что изобилие охотничьих животных было основной причиной, побудившей предков индейцев расселиться в Берингии и проникнуть в Америку (Волков, 2000; Васильев, 2001).

По современным представлениям, значительную часть Северной Америки занимали два огромных ледника, между которыми проходил узкий безледный коридор Маккензи шириной до 100 км и протяженностью около 2000 км (Васильев, 2001). Возникает вопрос: что заставило людей пойти в эту “щель” во льдах, чтобы проникнуть в “землю обетованную”? Скорее всего, предки индейцев шли за мигрирующими стадами животных. То есть именно животные привели человека в Америку (на свою голову). Стимулировать перемещения людей могло как раз оскудение охотничьих угодий в окрестностях поселений. Зачем отправляться “за тридевять земель”, если и дома

вдоволь пищи? Ведь ко времени массового заселения палеоиндейцами Америки примерно 12 тыс. лет назад в Азии мегафауна была уже практически истреблена (как свидетельствуют последние находки, поселения людей в некоторых местах существовали на тысячи лет раньше, но “погоды” они не делали). Люди сначала шли за отступающими животными на север, затем устремились на восток.

Между прочим, “блицкриг” против мегафауны имел крайне неприятные последствия и для человечества. После исчезновения обильной и доступной пищи приходилось бороться за охотничьи территории, что и привело к появлению воинственных племен (Вартбург, 2000).

В нормальных условиях вымирание видов уравнивается образованием новых. Более того, появление новых форм всегда превосходило исчезновение старых, поэтому разнообразие живой природы неуклонно возрастало (Риклефс, 1979). С появлением человека это равновесие было нарушено окончательно и бесповоротно, и началось прогрессирующее обеднение биосферы Земли. Некоторые виды животных были истреблены, видимо, еще неандертальцами а то и раньше.

Я. Линдبلاد (1991) писал: *“Erectus положил начало крестовому походу, который потом столь энергично продолжил sapiens, ставя крест на многих видах животного мира. Наши прямоходящие предки не просто охотились на представителей так называемой мегафауны, они истребляли их. Там, где в Азии и Европе найдены окаменелости erectus, вместе с ними лежат кости в основном крупных животных”*.

Интересно отметить один момент. Наибольший удар по природе следовал после освоения человеком новых территорий. Видимо, открыв для себя “землю обетованную” с “молочными реками” и “кисельными берегами”, лю-

ди надолго забывали о всякой осторожности. Лишь “сняв сливки”, человек начинал задумываться о более рациональном образе жизни, тогда и появлялись экофильные традиции. С другой стороны, природа также постепенно приспосабливалась к человеку, и наступало относительное затишье. По крайней мере, до следующего нашествия чужеземцев. Именно таким приспособлением объясняется то, что в Африке представители плейстоценовой фауны дожили до наших дней. Там они длительное время эволюционировали вместе с человеком, где тот и появился как новый вид (Фишер и др., 1976; Sedlag, 1983).

Пара примеров для иллюстрации. Овцебык, чудом доживший до наших дней, да и то на крайнем севере, совершенно не приспособлен к защите от человека. Атакованное хищниками стадо собирается в круг, оберегая телят. Это хорошо при нападении волков, но для охотников животные становятся легкой добычей. Столь же беззащитны против них и моржи на лежбищах. Средневековые европейские капитаны, промышлявшие морского зверя, свидетельствовали, что эти гиганты позволяли убивать себя гарпунами без всякого сопротивления, лишь прикрывали головы передними лапами (Перри, 1976).

Другие звери и птицы, никогда не видевшие человека, также не имели защитных реакций против него. Многие выработать их так и не успели. Способы охоты человека существенно отличались от таковых четвероногих хищников, поэтому старая защита перестала работать. Так еж на дороге сворачивается в клубок, выставляя иголки, при появлении автомобиля. Увы. А что уж говорить о животных отдаленных островов, которые могли вообще не иметь понятия о том, что такое хищник.

Гораздо меньшие, по сравнению с прародиной, усилия для обеспечения пищей способствовали росту численности людей и их быстрому расселению на новых землях. Что и произошло в

Америке. По оценкам ученых, палеоиндейцы перемещались в среднем на 350 км за одно поколение. Им потребовалось всего 500 лет, чтобы достичь южной оконечности континента (Вартбург, 2000). Историки сравнивают быстрое распространение человека по незаселенной территории с экспоненциальным ростом численности вида, занявшего свободную экологическую нишу (Васильев, 2001).

Большие проблемы, кстати, возникали не только у охотничьих видов. Свое победное шествие по планете *Homo sapiens* начал с вытеснения (или уничтожения) и частичной ассимиляции *Homo neanderthalensis*. Современная наука пришла к выводу, что неандерталец не был нашим прямым предком, а представлял собой боковую тупиковую ветвь эволюции, жаркие дискуссии о чем велись уже давно (см., например, Семенов, 1966). Это подтверждается многими данными, в частности анализом ДНК (Янковский, Боринская, 2001). Так что, неандерталец — наш родной брат, или скорее — дядя. Не с остатками ли этих “родственников” и связаны многочисленные легенды о снежном человеке, йети и т.п.?

Homo sapiens стало тесно в Африке, и он начал стремиться выбраться на просторы других континентов. Первая попытка 80 тыс. лет назад закончилась неудачно, 50-60 тыс. лет назад наши предки начали расселяться на юге Азии и впоследствии добрались аж до Австралии, наконец, примерно 40 тыс. лет назад через Ближний Восток они проникли в Европу. Населявшие ее неандертальцы были постепенно оттеснены на периферию и со временем исчезли окончательно (Николаев, 2000).

Ученые не пришли к единому мнению — была ли прямая борьба между неандертальцами и кроманьонцами, или все сводилось к более или менее мирной конкуренции. Думаю, что происходило все скорее всего так, как неслучайное количество раз во все последу-

ющие эпохи, когда один народ покорял другой: шло частичное уничтожение, частичная ассимиляция. Ведь женщины неандертальцев (да будет мне позволено так назвать самок этого вида) вполне годились в жены победителям. В условиях высокой смертности и низкой численности людей стимулировать таким образом приумножение своего племени было вполне естественным. Так поступал человек в ходе своей истории очень часто. Даже белые переселенцы, враждебно относившиеся к индейцам, нередко брали в жены индейки. Этим и можно объяснить то, что представители двух конкурирующих видов (или подвидов) неоднократно скрещивались, о чем свидетельствуют ископаемые находки (Николаев, 2000). Впрочем, не исключено, что где-то и когда-то были и вполне мирные взаимоотношения между неандертальцами и кроманьонцами. Опять-таки, как и между различными этносами *Homo sapiens*.

Ученые считают, что столкновение двух близких видов и острая конкуренция между ними вызвали настоящую “палеолитическую революцию” — усилилась умственная деятельность, зародилась культура, ускорилось развитие человека (Николаев, 2000). После этого и значительно возросло воздействие его на природу.

Должен отметить, что первая колонизация материков современным человеком велась не более гуманными методами, чем все последующие. Именно после появления людей исчезли последние мастодонты в Северной Америке, гигантские ленивцы и глиптодоны в Южной и т. д. и т. п. По данным П. Мартина (1967, цит. по: Sedlag, 1983), в течение ледникового периода на протяжении примерно миллиона лет в Северной Америке вымерло 67 родов млекопитающих, из них 32 — в сравнительно короткий промежуток времени от 13 до 10 тыс. лет назад.

Я не собираюсь бросать камень в нашего прапра...прадедушку за то, что

он уничтожил прапра...прадядюшку. *Homo sapiens* вел себя точно так же, как и любой другой биологический вид — если два вида претендуют на одну экологическую нишу, значит кто-то должен уйти. Но и представлять нашего предка ангелочком с крылышками тоже не следует. Был он с копьем и дубинкой. И носил их отнюдь не для украшения.

Библейское предание о Каине и Авеле часто трактуется как отражение давних противоречий между земледельцем и скотоводом за владение землей (Николаев, 1999), но при желании под него можно подвести и более древнее обоснование.

О какой-то гуманности и рациональности охоты первобытного человека тоже говорить трудновато. Почитайте, хотя бы, литературу о способах охоты — ловчие ямы, загоны, выжигание растительности и т. п. При этом нередко гибло намного больше животных, чем было нужно. Один из практиковавшихся способов охоты — загон стада к обрыву, с которого звери падали в пропасть. У подножия одной из скал у г. Солютре во Франции, видимо, длительное время использовавшейся для этой цели, нашли кости по меньшей мере 100 тыс. лошадей (Sedlag, 1983).

На территории нынешних Турции, Сирии, Иордании примерно 10 тыс. лет назад кочевали огромные стада газелей, которые и служили основным источником пищи для местных племен. Они уже научились строить дома, но земледелием еще не занимались, добычи было в избытке. Для охоты на газелей в степи строили километровые загоны, V-образные стены которых сходились в ловушку. В таких ловушках уничтожались целые стада. У археологов даже возникло предположение, что обнаруженные дома из глины, не имевшие ни окон, ни дверей, а только лаз в крыше, служили не жилищами, а своеобразными складами для запасов мяса (Николаев, 1999).

Степные кочевники Азии в средние века активно охотились на сайгаков, уничтожая при этом сотни и тысячи особей. Широко распространены были варварские способы охоты путем загона стад на срезанный тростник, в топи, на гладкий лед, преследование по насту во время многоснежья и т. п. (Жирнов, 1982). В Казахстане, в низовьях р. Чу, загонем на срезанный тростник охотники за один день добывали до 12 тыс. сайгаков, при этом еще тысячи уходили искалеченными (Слудский, 1955).

Человек древности был слаб, и жизнь вынуждала его быть жестоким. В этом он мало чем отличался от своих “собратьев по ремеслу” — четвероногих и пернатых хищников. Разве что был более хитроумным и изощренным. А всевозможные охотничьи ритуалы и магические обряды проводились еще со времен палеолита, о чем свидетельствуют многочисленные наскальные рисунки. Вполне возможно, что уже тогда во время этих ритуалов люди просили извинения у будущих жертв. Ну и что, обезумевшим животным, удирающим из огненной западни, от этого было легче? А зверям, медленно агонизирующим на кольях в ловчей яме? Или может быть такие обряды и чувство единства с природой помогли уцелеть последним мамонтам или моа? Кровавые сцены избиения детенышей тюленей на лежбищах вызывают у нас вполне естественные гнев и отвращение, но ведь именно так охотились наши предки. Человек не мог быстро и легко свалить мамонта, приходилось долго изводить его, убивая “по кусочку”. Первые китобой прикрепляли гарпуны к поплавкам из дерева или шкур. Лишь после многодневной борьбы, которая вконец изматывала кита, они отваживались приблизиться к нему, чтобы нанести последний удар (Шеффер, 1981).

Еще наш далекий предок *Homo erectus* охотился в Европе на лесных слонов и других крупных животных, загоняя их на болота, где те вязли в тине (Линдبلاد, 1991). Это сейчас, с

позиции силы, мы можем себе позволить удовольствие быть гуманными. Тогда с этим было посложнее. Убей — или погибнешь сам.

Я не хочу представить первобытного охотника этаким “демоном во плоти”, врагом всего живого вокруг (хотя результаты его деятельности говорят скорее об этом). Вполне возможно, что уже в палеолите человек мог любить природу и ценить ее красоту. На палеолитических стоянках археологи находят многочисленные украшения, рисунки, статуэтки, резьбу и т. п. (Рогачев, Аникович, 1984), что говорит о каком-то эстетическом чувстве. Уже у *Homo erectus* находили ожерелья из скорлупы страусиных яиц (Шаров, 1999). Впрочем, все это могло быть и какими-то магическими средствами. Мы можем только ломать голову, как и над наскальными рисунками: что это — первобытное искусство или охотничья магия? Именно магическими средствами — оберегами — были, например, так называемые шумящие украшения (Варенов, 1999). В.Р. Дольник (1979) вообще считает, что любовь к природе возникла еще в глубокой древности в ходе естественного отбора как своеобразный защитный механизм, изменяющий поведение популяции при опасном нарушении экологической среды. Но, как бы то там ни было, со времен плейстоцена именно *Homo sapiens* был самым страшным хищником на Земле. Ни один вид животных не мог сравниться с ним по эффективности охоты. Ни один вид и не “наломал” столько “дров”...

Большие проблемы у диких животных возникали не только из-за прямого преследования человеком, но и из-за вызванных им нарушений в экосистемах, в частности, из-за интродукции новых видов, которые могли производить настоящие опустошения. Классический пример этого — собака динго в Австралии. Считается, что она появилась там еще в плейстоцене с первыми людьми (Соколов, 1979; Grzimek, 1979;

Petzsch, Piechocki, 1986). Скорее всего, динго — потомки одичавших собак, подобно тому как мустанги — потомки одичавших лошадей. Собаки оказались единственными крупными плацентарными млекопитающими в Австралии (не считая самого человека), да еще хищниками. Раньше из плацентарных здесь водились только летучие мыши да мелкие грызуны (Бобринский, 1951). В конкуренции динго значительно превосходили местных яйцекладущих и сумчатых зверей, которые сохранились только благодаря длительной изоляции Австралии от других континентов. Сейчас сложно определить все последствия этой интродукции, но, например, известно, что сумчатый волк и сумчатый дьявол исчезли на большей части своего ареала, не выдержав конкуренции с динго. Они сохранились только на о. Тасмания, куда собаки не добрались (Grzimek, 1979; Соколов, 1986; Petzsch, Piechocki, 1986). При чем, сумчатый волк, скорее всего, уже вымер окончательно.

Огнем и топором

Разрушение человеком среды обитания также началось очень давно. И начали его первобытные охотники. Многие племена поджигали леса, чтобы облегчить себе охоту на стада животных, уходивших от огня. Постоянные пожары полностью видоизменяли растительные сообщества на больших территориях. Так, африканские леса подверглись значительным изменениям еще в доисторические времена. Первобытный человек постоянно выжигал их для облегчения передвижения и охоты. То, что людей было мало, ничего не значит — в сухое время года огонь может распространяться на огромные территории. В результате сухолюбивые леса постепенно приняли тот облик, который они имеют сейчас, превратились в более или менее залесенные саванны, а равновесие сместилось в пользу солнцелюбивых и более устойчивых к

огню растений. В Америке индейцы таким же образом значительно расширили зону прерий. Их распространение нельзя объяснить только климатическими условиями (Дорст, 1968).

Есть данные, что в эпоху палеолита, пожары опустошали огромные пространства на севере Германии и в Бельгии. По мнению некоторых ученых, внезапное исчезновение хвойных пород и березы частично было вызвано человеком, который своими поджогами существенно нарушал природное равновесие на обширных территориях (Nagg, 1956). Огонь использовался в качестве вспомогательного средства при облавных охотах на Дону и Днестре в позднем палеолите (Рогачев, Аникович, 1984). В Сахаре археологи обнаружили пласты золы толщиной 2,5 м, образовавшиеся из-за регулярного выжигания тростника по берегам озер 200 тыс. лет назад (Шаров, 1999).

Я. Линдبلاد (1991) писал: *“Что до губительного фактора, имя которому огонь (думаю, Прометей сожалеет, что даровал его человечеству), то уже в руках erectus он стал средством разрушения среды.*

Похоже, любованию “красным пепухом” — своего рода инстинкт у рода человеческого. Индеец макуси, запольчивший коробок спичек, опасен для сухой степи. Поджигая траву без нужды тут и там, он может стать виновником гигантского степного пожара”.

С возникновением производящего хозяйства все стало еще хуже. Склоны гор и холмов Средиземноморья были когда-то покрыты лесами, погибшими от пожаров еще в древности (основными виновниками их были пастухи). Аттика была совершенно обезлесена еще к V в. до н. э. Одной из причин гибели цивилизации майя послужило истощение земель в результате подсечно-огневой системы земледелия. Благодаря вырубке и выжиганию лесов, Мадагаскар еще до прихода европейцев относился к наиболее опусто-

шенным деятельностью человека районам (Дорст, 1968).

Охоту “детей природы” при помощи выжигания растительности можно наблюдать и сейчас. Так, австралийцы, чтобы обнаружить дичь, поджигают саванну, нередко уничтожая растительность на площади 50-80 км² (Meggitt, 1963, цит. по: Дорст, 1968). Огонь при охоте на пекари до сих пор используют индейцы Гайаны (Линдблад, 1991).

Сахара — крупнейшая из пустынь земного шара — была когда-то и одной из колыбелей цивилизации. Здесь простирались саванны с богатейшей фауной. Здесь процветали племена первобытных охотников. В самом сердце пустыни нашли многочисленные наскальные рисунки, оставшиеся от древних культур. На всем протяжении Сахары от Атлантического океана до Красного моря обнаружены следы пребывания людей (Бабаев и др., 1986). Предполагается, что именно в Сахаре был одомашнен тур, и возник культ быка, впоследствии широко распространившийся по миру (Дольник, 1993). Еще на рубеже нашей эры не было сплошной пустыни “от моря до моря”, существовали лишь разрозненные очаги (Шаров, 1999). Не одни лишь экологи, но и историки высказывают мнение, что огромнейшая пустыня возникла не только благодаря изменениям климата, но и при деятельном участии древних скотоводов (Чайлд, 1956).

В пользу того, что это не такая уж и фантастика, может говорить пример, более близкий и во времени и в пространстве. На месте знаменитой Геродотовой гилеи в низовьях Днепра из-за вырубки лесов, перевыпаса и распашки земель к XIX в. образовались обширные Нижнеднепровские песчаные арены, значительную часть территории которых составляли свободно развеваемые пески (Котенко и др., 1999). И это при том, что климат степной зоны Украины не такой засушливый, как на севере Африки. Если растительное сообщество возникло в дру-

гих климатических условиях, достаточно один раз уничтожить растительность, чтобы оно больше не восстановилось. Изменения климата и человек, таким образом, становятся “соавторами” катастрофы.

Расширение Сахары, кстати, происходит на наших глазах. В зоне Сахеля пустыня продвигается на юг именно благодаря последствиям человеческой деятельности. Ежегодно она отнимает около 100 тыс. га (Бабаев и др., 1986).

Подобные примеры можно приводить еще очень долго, но вывод и так ясен: “С нашим появлением континенты быстро дряхлеют”, — эти слова Э. Хемингуэя можно применить не только к “цивилизованному” человеку, но и к человеку вообще.

Изгнание из рая

Археологи склонны считать богатейшую природу Ближнего Востока в древности прообразом райских садов (Николаев, 1999). Человек мог достаточно легко прокормиться, он не был вынужден добывать хлеб насущный “в поте чела своего”. Обилие дичи способствовало благоденствию охотничьих племен. Но человек “перестарался”, подорвав численность популяций многих животных, а затем и разрушив среду их обитания. Я уже писал, что рай он сам опустошил и испоганил (Грищенко, 2000).

В свете всего того, о чем говорилось выше, библейскому сюжету о грехопадении и изгнании из рая можно дать и вполне экологическую трактовку. Грехопадение человека — это нарушение “прародителями” первичной гармонии в экосистемах, выход из под контроля многих природных регуляционных механизмов. После чего человек стал чуждой для живой природы силой, подобно вулкану или землетрясению. Она как бы изгнала его из состава природного сообщества. “Тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего его” (Рим. 8. 20-22). “Плоды дре-

ва познания” также вполне вписываются в эту концепцию. Господство человека над природой стало возможным лишь благодаря развитию рассудочной деятельности. Ни один другой вид не достиг подобных результатов. Именно отсюда берет начало деление природы на дикую и антропогенную.

Примерно о том же говорится в экологическом разделе “Основ социальной политики Русской Православной Церкви” (Вопросы экологии..., 2001; см. также наш журнал). Как видим, мы пришли к сходным выводам с чисто экологических позиций, используя библейские образы лишь как символы. О грехопадении, как нарушении “содружества с флорой и фауной” писал и православный священник О.Д. Пруденко (2000).

Таким образом, идея дикой природы имеет достаточно серьезное религиозное обоснование. Охрана ее — это искупление давнего грехопадения человека, за что ратует христианская церковь. Если рассматривать рай как символ исходной гармонии в отношениях человека с природой, то построить его на Земле можно, лишь восстановив эту гармонию в новых условиях*.

В мифологии многих народов мира сохранились предания о давних временах изобилия, когда не нужно было ни пахать, ни разводить скот (Мифы народов мира, 1980-1982). Первобытные племена нередко представляли себе загробный мир как страну богатых охотничьих угодий. Не является ли все это своеобразными воспоминаниями о “потерянном рае”?

Заключение

Я считаю, что у нас нет пути назад. Мы можем двигаться только вперед.

* Возможно ли это (я о природе) и каким образом — тема для отдельного разговора, но в любом случае, такой рай — это лишь отдаленный идеал, то, к чему следует стремиться, но чего вряд ли удастся достичь.

Разумеется, нам есть чему поучиться, и не надо свысока относиться к “дикарям”. Не можем мы предъявлять и моральные претензии древним охотникам, над семьями которых дамокловым мечом всегда висела угроза голода, но не стоит и идеализировать их отношение к природе, тем более превращать все это в миф.

Именно по пути создания целого ряда мифов пошла западная экофилософия. О некоторых из них я уже писал — “экологичность” восточных религий (Грищенко, 2000), “абсолютное добро в природе” (Грищенко, 2001). Еще один такой миф — гармония в отношениях первобытного человека и природы. На подобные вещи можно было бы не обращать особого внимания, ведь так или иначе мифы нас окружают со всех сторон, и многим людям жить с ними гораздо комфортнее, если бы речь не шла “о главном” — идеологии охраны природы и главных аргументах в ее защиту. Такие мифы при желании достаточно легко опровергаются. И когда на них построена аргументация, рушится все “здание”. Если во время поединка противник выбивает у тебя из рук оружие, шансов победить становится, мягко говоря, несколько меньше. Давайте же учиться владеть своим оружием и постоянно оттачивать его, а не бестолково вымахивать тупым и ржавым клинком.

По моему мнению, для целей построения новой природоохранной идеологии вполне приемлемы многие философские и религиозные подходы первобытных народов, не утративших связи с природой. Однако, они требуют переосмысления на новом уровне, а не простого заимствования. Если уж заниматься философскими построениями, то не следует забывать об одном из фундаментальных законов диалектики Гегеля — развития по спирали. И во всяком случае нужно отделять факты от вымысла, желаемое — от действительного, не утопая в иллюзиях. Ра-

зочаровавшийся в своих ценностях “цивилизованный мир” бросился из одной крайности в другую — от презрения к “дикарям” к их идеализации. Но истина, как обычно, находится где-то по середине.

Л.Н. Гумилев (1994) писал, что *“хищническое обращение человека с природой может иметь место при всех формациях и, следовательно, вряд ли может рассматриваться как результат особенностей социального прогресса. При всех формациях человек деформирует природу. Очевидно, это ему свойственно. Хотя делает он это каждый раз по-разному, но различия касаются деталей, а не направления процессов”*. А вот мнение Ж. Дорста (1968): *“...нарушение естественного равновесия в природе началось с тех пор, как на Земле появился человек. <...> Еще на заре своего существования человечество уже несло в себе зачатки разрушения, даже саморазрушения, получившие драматическое развитие на последующих фазах его истории”*. “История человечества, — считает Э.Д. Шукуров (1999), — представляет собой историю его конфликтов с природой. Различие заключается лишь в масштабах, и современное состояние отличается тем, что локальные очаги переросли в глобальный кризис. За всю историю не появилось ни одного общества, которое в той или иной степени не находилось бы в противостоянии с природой. Пасторальные идилли — скорее плод романтического воображения, нежели реальности”.

Я вообще бы не стал чрезмерно обольщаться тем, что первобытный охотник, “дитя природы”, ставил другие живые существа на один уровень с собой, наделял их душой, сверхъестественной жизненной силой и т. п. Жизнь-то диктовала свое. И все это не мешало убивать не то что животных, а и людей. Причем не только врагов-ино-

родцев, но и соплеменников. Да, убийца мог раскаиваться, совершать всевозможные искупительные и очистительные обряды, но гармонии в отношениях с соседними племенами это не прибавляло. “Детство” человечества было достаточно бурным. Да и вся его история представляет собой бесконечную череду уничтожения или порабощения одними народами других. Ведь соседние племена были такой же частью окружающего мира, как и бизоны, волки или медведи. И что мы видим? Во время колонизации Северной Америки индейцы больше боролись друг с другом, чем с захватчиками, что те успешно и использовали. Объединяться для отпора враждовавшие племена стали лишь тогда, когда было уже поздно. Африканцы в пору работорговли принимали в этом деятельное участие, захватывая и продавая представителей других народностей, а то и своих собственных. Всевозможные вожди и царьки неплохо на этом наживались. Я уж молчу о каннибализме, достаточно и просто “добрососедских” отношений.

Можно ли надеяться найти былую гармонию в отношениях людей с природой, если ее никогда не было и в самом человеческом обществе?

Закончить будет уместно словами Дж. Фрэзера (1980): *“На долю культуры первобытного общества слишком часто выпадают только презрение, насмешки и осуждение. Между тем в числе благодетелей человечества, которых мы обязаны с благодарностью чтить, многие, если не большинство, были первобытными людьми. В конечном счете мы не так уж отличаемся от этих людей, и многим из того истинного и полезного, что так бережно сохраняем, мы обязаны нашим грубым предкам, накопившим и передавшим нам по наследству фундаментальные представления, которые мы склонны рассматривать как нечто самобытное и интуитивно данное. Мы*

как бы являемся наследниками состояния, которое переходило из рук в руки столько раз, что изгладилась память о тех, кто заложил его основание, поэтому нынешние обладатели считают его своим изначальным и неотъемлемым достоянием. Однако более глубокое размышление и исследование должны убедить нас в том, что большей частью этого достояния мы обязаны своим предшественникам. Ошибки последних были не какими-то преднамеренными нелепостями или преступлениями безумия — они были гипотезами, которые в свое время подкреплялись данными опыта, но не выдержали испытания временем. <...> Поэтому мы поступим благоразумно, если будем взирать со снисходительностью на мнения и обычаи менее цивилизованных эпох и народов как на неизбежные ошибки в поисках истины. Это даст нам право на снисхождение, которым когда-нибудь придется воспользоваться и нам самим”.

Литература

- Бабаев А.Г., Дроздов Н.Н., Зонн И.С., Фрейкин З.Г. (1986): Пустыни. М.: Мысль. 1-318.
- Бибикова В.И. (1965): О происхождении мезинского палеолитического орнамента. - Сов. археология. 1: 3-8.
- Бигон М., Харпер Дж., Таунсенд К. (1989): Экология. Особи, популяции и сообщества. М.: Мир. 1: 1-667; 2: 1-477.
- Бобринский Н.А. (1951): География животных. М.: Учпедгиз. 1-384.
- Богораз-Ган В.Г. (1926): Миф об умирающем и воскресающем звере. - Художеств. фольклор. 1.
- Борейко В.Е. (1998): Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 2-е изд. 1: 1-224.
- Борейко В.Е., Грищенко В.Н. (1999): Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 2-е изд. 2: 1-172.
- Вагнер Й., Шнейдерова Н. (1987): Царь зверей не лев. Братислава: Обзор. 1-210.
- Варенов А. (1999): Утка, конь-олень — шелестящие обереги. - Наука и жизнь. 11: 62-65.
- Вартбург М. (2000): Кто убил старушку? - Знание — сила. 3: 36-44.
- Васильев С.А. (2001): Сибирь и первые американцы. - Природа. 8: 66-73.
- Винокуров А.А. (1992): Редкие и исчезающие животные. Птицы. М.: Высшая школа. 1-446.
- Волков А. (2000): Когда индейцы заселили Америку? - Знание — сила. 3: 28-35.
- Вопросы экологии в “Основах социальной концепции Русской Православной Церкви”. - Заповедники и нац. парки. 2001. 33: 54-55.
- Гибель моя: не вымирание, а “блицкриг”. - Природа. 2001. 5: 26.
- Гржимек Б. (1971): Австралийские этюды. М.: Мысль. 1-174.
- Грищенко В.М. (1996): Білий лелека. Чернівці. 1-127.
- Грищенко В.Н. (1999а): Миграции птиц и народные верования. - Гуман. экол. ж. 1 (1): 23-32.
- Грищенко В.Н. (1999б): Кольчатая горлица и народные верования. Заметки на полях. - Беркут. 8 (1): 56.
- Грищенко В.Н. (2000): Охрана природы и религия: от науки к утопии? - Гуман. экол. ж. 2 (2): 11-26.
- Грищенко В.Н. (2001): “Не то, что мните вы, природа”. - Гуман. экол. ж. 3 (спецвып.): 113-126.
- Гумилев Л.Н. (1994): Этногенез и биосфера Земли. М.: Танаис ДИ-ДИК. 1-544.
- Даревский И.С., Орлов Н.Л. (1988): Редкие и исчезающие животные. Земноводные и пресмыкающиеся. М.: Высшая школа. 1-463.
- Дольник В.Р. (1979): Археология человеческих пристрастий. - Знание — сила. 4.
- Дольник В.Р. (1992): Существуют ли биологические механизмы регуляции численности людей? - Природа. 6: 3-16.
- Дольник В.Р. (1993): Кто сотворил творца? - Знание — сила. 1.
- Дорст Ж. (1968): До того, как умрет природа. М. 1-415.
- Жирнов Л.В. (1982): Возвращенные к жизни: экология, охрана и использование сайгаков. М.: Лесная пром-сть. 1-224.
- Йовчев Н. (1982): По следите на исчезналите животни. София: Наука и искусство. 1-150.
- Каприелов А.А. (1980): Образ птицы в древнем искусстве. - Орнитология. М.: МГУ. 15: 179-188.
- Котенко Т.И., Уманец О.Ю., Селюнина З.В. (1999): Природный комплекс Казачьелагерской арены Нижнеднепровских песков и проблемы его сохранения. Сообщение 1. Общая характеристика Казачьелагерской арены. - Заповідна справа в Україні. 5 (1): 61-72.
- Линдبلاد Я. (1991): Человек — ты, я и первозданный. М.: Прогресс. 1-264.
- Лоренц К. (1994): Агрессия (так называемое “зло”). М.: Прогресс. 1-272.

- Мак-Кланг Р. (1974): Исчезающие животные Америки. М.: Мысль. 1-207.
- Массон В.М. (1989): Первые цивилизации. Л.: Наука. 1-276.
- Мифы народов мира (1980-1982): М.: Сов. энциклопедия. 1: 1-672, 2: 1-720.
- Моуэт Ф. (1988): Трагедии моря. М.: Прогресс. 1-352.
- Николаев Г. (1999): Райские сады на земле — были! Так считают археологи. - Наука и жизнь. 3: 82-86.
- Николаев Г. (2000): Загадка возрастом в 30 000 лет. - Наука и жизнь. 8: 32-37.
- Паттерсон Д. (2001): Почитание природы: путь маори. - Гуман. экол. ж. 3 (2): 110-112.
- Перри Р. (1976): Мир моржа. Л.: Гидрометеоздат. 1-112.
- Пидопличко И.Г. (1951): О ледниковом периоде. Киев: АН УССР. 2: 1-262.
- Пидопличко И.Г. (1976): Межиричские жилища из костей мамонта. Киев: Наукова думка. 1-239.
- Пропп В.Я. (1986): Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ. 1-365.
- Пруденко О.Д. (2000): Экологические воззрения в Библии и современность. - Гум. экол. ж. 2 (2): 26-31.
- Пучков П.В. (1989а): Некомпенсированные вымирания в плейстоцене: предполагаемый механизм кризиса. Киев. 1-60. (Препр./АН УССР. Ин-т зоол., 89.8).
- Пучков П.В. (1989б): Некомпенсированные вымирания в плейстоцене: региональные аспекты. Киев. 1-60. (Препр./АН УССР. Ин-т зоол., 89.7).
- Пучков П.В. (1991): Некомпенсированные вюрмские вымирания. Сообщ. 1. - Вестн. зоологии. 5: 45-53.
- Пучков П.В. (1992а): Некомпенсированные вюрмские вымирания. Сообщ. 2. - Вестн. зоологии. 1: 58-66.
- Пучков П.В. (1992б): Некомпенсированные вюрмские вымирания. Сообщ. 3. - Вестн. зоологии. 4: 73-81.
- Пучков П.В. (1993а): Некомпенсированные вюрмские вымирания. Сообщ. 4. - Вестн. зоологии. 1: 63-71.
- Пучков П.В. (1993б): Некомпенсированные вюрмские вымирания. Сообщ. 5. - Вестн. зоологии. 4: 59-67.
- Реймерс Н.Ф. (1990): Природопользование. М.: Мысль. 1-637.
- Риклефс Р. (1979): Основы общей экологии. М.: Мир. 1-424.
- Рогачев А.Н., Аникович М.В. (1984): Поздний палеолит Русской равнины и Крыма. - Палеолит СССР. М.: Наука. 162-271.
- Рыбаков Б.А. (1972): Происхождение и семантика ромбического орнамента. - Сб. тр. Научно-иссл. ин-та худож. пром-сти. М. 5: 127-134.
- Рыбаков Б.А. (1994): Язычество древних славян. М.: Наука. 1-608.
- Семенов Ю.И. (1966): Как возникло человечество. М.: Наука. 1-576.
- Слудский А.А. (1955): Сайгак в Казахстане. - Тр. Ин-та зоол. АН КазССР. 4: 18-55.
- Соколов В.Е. (1979): Систематика млекопитающих. М.: Высшая школа. 1-528.
- Соколов В.Е. (1986): Редкие и исчезающие животные. Млекопитающие. М.: Высшая школа. 1-519.
- Соколова З.П. (1972): Культ животных в религиях. М.: Наука. 1-215.
- Соколова З.П. (1998): Животные в религиях. СПб: Лань. 1-288.
- Тайлор Э.Б. (1989): Первобытная культура. М.: Политиздат. 1-573.
- Татаринов К.А. (1993): Влияние населения эпохи палеолита на териофауну Среднего Приднепровья. - Вестн. зоологии. 4: 68-74.
- Фишер Д., Саймон Н., Винсент Д. (1976): Красная книга. Дикая природа в опасности. М.: Прогресс. 1-479.
- Фрэзер Дж.Дж. (1980): Золотая ветвь. М.: Политиздат. 1-831.
- Фрэзер Дж.Дж. (1989): Фольклор в Ветхом завете. М.: Политиздат. 1-542.
- Чайлд Г. (1956): Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.: ИЛ. 1-384.
- Шаров Г. (1999): Может быть — это первый дом на планете? - Наука и жизнь. 11: 50-53.
- Шеффер В. (1981): Год кита. Л.: Гидрометеоздат. 1-152.
- Штернберг Л.Я. (1936): Первобытная религия в свете этнографии. Л.: Изд-во ин-та народов Севера. 1-572.
- Шукуров Э.Д. (1999): Кризис природы и природа кризиса. - Гуман. экол. ж. 1 (1): 4-7.
- Янковский Н.К., Боринская С.А. (2001): Наша история, записанная в ДНК. - Природа. 6: 10-17.
- Grzimek B. (Hrsg.) (1979): Grzimeks Tierleben. München: Deutcher Taschenbuch Verlag. 10: 1-614.
- Luther D. (1995): Die ausgestorbenen Vögel der Welt. Magdeburg: Westarp Wissenschaften. 1-203.
- Mourer-Chauviré C. (1999): Influence de l'homme préhistorique sur la répartition de certains oiseaux marins: L'exemple du Grand Pingouin *Pinguinus impennis*. - Alauda. 67 (4): 273-279.
- Narr K.J. (1956): Early food-producing populations. - Man's role in changing the face of the world. Chicago. 134-151.
- Petzsch H., Piechocki R. (1986): Urania Tierreich. Säugetiere. Urania Verlag. 1-604.
- Putshkov P.V. (1994): Uncompensated Wurm extinctions. 6. - Вестн. зоологии. 2: 65-73.
- Savage D.E., Russel D.E. (1983): Mammalian paleofaunas of the world. London. 1-432.
- Sedlag U. (1983): Vom Aussterben der Tiere. Urania Verlag. 1-216.
- Stingl M. (1963): Indianer ohne Tomahawks. Leipzig. 1-226.